

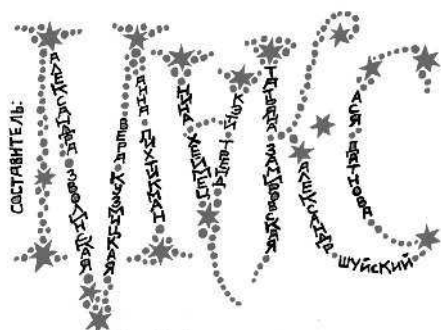
Оформление Наталии Рецца

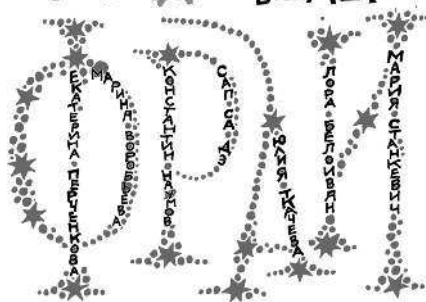
ТАК НЕ БЫВАЕТ

ТАК НЕ БЫВАЕТ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
Т15

Книга публикуется в авторской редакции

Оформление *Наталии Рецца*

Т15 **Так** [не] бывает / сост. Макс Фрай. — Москва :
Издательство АСТ, 2017. — 384 с. — (Миры Макса
Фрая).

ISBN 978-5-17-102355-3

В этой книге нет ни одной фантастической истории; сказки и без нас найдется кому сочинять. Авторы этого сборника — серьезные реалисты, пишут правду и только правду, ничего кроме правды. Однако правда наша обычно такова, что, зная ее, читатели обычно качают головой, укоризненно говорят: «Так не бывает», — и расходятся по домам, где кого-то ждет черная рука, кого-то — призрак прабабки в бельевом шкафу, кого-то — дружеская вечеринка, состоявшаяся четыре года назад, кого-то — северный ветер, заглянувший на огонек и уже успевший поставить чайник. Но об этом они уже никому не расскажут, потому что кому же хочется услышать в ответ: «Так не бывает».

А нам все равно

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-102355-3

© Макс Фрай, текст
© Наталия Рецца, дизайн обложки
форзацы, внутренние иллюстрации
© ООО «Издательство АСТ», 2017

ЛОРА БЕЛОИВАН

НАСЛЕДСТВО

Вещи переносили уже в темноте. Мощный фонарь над соседскими воротами освещал чуть ли не полдеревни, но скорее мешал, чем помогал: возвращаясь к грузовику за коробками, приходилось щуриться или закрываться козырьком из ладоней. Усиленный отражателем луч хлестал по глазам, и еще несколько секунд нужно было приучать зрение к темноте крохотного, с блюдце размером, двора, в который едва удалось втиснуть Максов «Лансер»: капот машины нависал над тропинкой, ведущей к крыльцу, а свет из кухонного окошка стекал под колеса. Во двор выходили и два окна большой комнаты, но в ней не смогли включить лампочку: то ли перегорела, то ли выключатель поломался. Коробки ставили одна на другую прямо в коридоре, организовав там четыре башни. Работали очень быстро, очень четко, очень аккуратно и — почему-то — на цыпочках. Наверное, так работают воры: неслышно ступая, стараясь не разговаривать или перебрасываясь лишь короткими, сугубо по делу, фразами. Придержи. Здесь. Вот так. Сюда ставь. Когда все четыре башни ста-

ли одинакового роста, оказалось, что в кузове больше ничего нет.

Макс сразу сказал, что в город не поедет: останется ночевать в доме.

— Это ж теперь мой дом, так что, — сказал он.

Тоха и Серый разубеждать его не стали — не маленький. На его месте они бы тоже предпочли спать на коробках, но не ехать на ночевку к семейным корешам или, тем более, возвращаться в съемную квартиру, откуда уже вывез башни.

— Ну, звони.

— Ага, — кивнул Макс, — шашлык за мной.

— Ну еще бы.

— Давайте, до созвона.

— До созвона.

Макс стоя в проеме калитки и какое-то время наблюдал, как Тохин грузовик, разворачиваясь, ненадолго схлестнулся лучами фар с лучом соседского фонаря — сабли автомобильного света были острыми и тонкими, и их было две — они играючи победили фонарь, пронзили, распорили его толстый неуклюжий луч, но не стали добивать — бросили подранка, метнулись в сторону, царашнули чей-то забор, панибратски щекотнули небо и, посерьезнев, сосредоточились на дороге, а потом слились с ней. Макс завязал калитку проволокой и пошел домой. «Домой, — подумал он, огибая капот «Лансера», — надо же как».

В доме было две комнаты: большая, в которой не горел свет, и дальняя маленькая, в которой, как выясни-

лось, свет не горел тоже. Но зато она щедро освещалась недобитым лучом соседского прожектора: хоть книжки читай. Закономного освещения вполне хватало, чтобы можно было в деталях рассмотреть весь интерьер комнаты: прямо напротив двери, у окна, железная кровать с облезлыми шишками; слева у стены шкаф-секретер — убудок, дитя мезальянса между советским сервантом и бюро дворянской фамилии; справа стол, застеленный клеенкой в горох. Бабка держала на этом столе ящички с рассадой, а дед хранил в секретере крючки и грузила. Поди, они до сих пор там лежат, в двух коробках из-под леденцов. Дед умер на этой кровати. Между рассадой и грузилами. Макс был еще маленький и, когда приезжал к бабке на выходные или на каникулы, все время боялся, что она уложит его на дедову кровать, но бабка стелила ему на раскладном кресле в зале. Макс не помнил, куда оно в конце концов делось: было и сплыло. Просто с какой-то поры стал ночевать на раскладушке. Раскладушки, кстати, тоже не видать.

Бабка прожила еще двадцать пять лет. За полгода до смерти стала видеть деда во всех мужчинах от пятнадцати до ста, а потом вдруг выздоровела на два дня, всех узнала, со всеми поздоровалась, расспросила о житье и последних событиях — и умерла в совершенно твердой памяти. Попрощавшись с бабкой, Макс простился и с этим домом: почему-то был уверен, что Господь — или кто там распоряжается душами и их имуществом — прибрал бабку, заодно отнял у него, Макса, право бывать в этом доме хотя бы изредка. Он был изумлен, когда

нотариус сообщил ему, что бабка завещала дом именно ему. Не так уж и часто виделись в последние годы.

Макс постоял на пороге в маленькую комнату, потом шагнул было в темную большую, но передумал, развернулся и отправился во двор, в машину, спать. Умастившись на отодвинутом и откинутах переднем пассажирском сиденье — ноги в руль — прислушивался к ощущениям: тоскливо ли? Горько ли? Одиноко? — и слабо удивлялся, что вместо всего этого, ожидаемого, почти запланированного — чувствует только покой. И — пока не очень громко — голод. Но еды ни в одной из четырех башен не было, в бардачке «Лансера» могло завалиться какое-нибудь печенье, но не завалилось — да и черт с ним, и без печенья сойдет.

Проснулся внезапно. Ночь еще не кончилась. Его разбудил голос, сказавший доброжелательно, но твердо: «Завтра тоже спи тут». Было ясно, что голос приснился, так бывает иногда, когда просыпаешься вдруг от сказанной кем-то фразы, и этот кто-то — персонаж из сна, сюжет которого никогда не извлечь оттуда, где он остался. Несмотря на эту ясность, Макс приподнялся на локте и сквозь стекла машины оглядел двор. Двор был пуст. Посмотрел в боковое зеркало — тьма, заросли сорняков тенью вокруг багажника; никого. Попытался уснуть опять, но не получалось. Достал телефон, глянул время: пять утра. Вот-вот будет светать. Где-то вддали, а потом ближе, прокукарекали петухи. Можно было выходить на рыбалку. Если бы Макса хотя бы чуть-чуть интересовала рыбалка, он бы, может быть, на нее бы и вышел сейчас,

зевая и ежась — как в детстве, когда дед поднимал его затемно и тащил с собой на лагуну; дед не спрашивал, нравится ли Максу рыбалка: в его, дедовом, мире все мальчишки должны были умирать от счастья, когда им дарят удочки и берут с собой рыбачить.

Как уснул второй раз, Макс не заметил.

Проснулся от духоты — солнце было уже совсем высоко, часы на телефоне показывали без четверти девять, хотелось пить, есть и в туалет — или в обратной последовательности, не важно: главное — быстро. И как-то уже надо устраиваться с вещами и вообще — лампочки заменить в комнатах или посмотреть, что там с проводкой.

Весь день прошел в суете. Съездил в продуктовый магазин, привез сухомятки и упаковку пива; вымыл в доме пол и окна, заменил лампочки, еще раз съездил в магазин — купил матрас, подушку, одеяло и два комплекта постельного белья; постелил матрас на полу большой комнаты (при бабке эта комната называлась залом), где из мебели был только пустой старый шкаф; в третий раз съездил в магазин — купил удлинитель и настольную лампу; соорудил возле матраса офис из настольной лампы и ноутбука — посмотрел на уют и решил, что это хорошо. До ночи еще оставались и время, и некоторые силы — Макс подошел к шкафу, прикинул, имеет ли смысл разбирать и выносить его прямо сейчас или отложить на завтра, — и решил отложить. Поужинал. Посмотрел какой-то детектив. Совсем уже было собравшись укладываться спать, вдруг вспомнил: «Завтра тоже

спи тут». И, с сожалением поглядев на расстеленную на полу постель, отправился в машину.

В час, когда кричат петухи, а любители утренней рыбалки выходят из дому, Макс проснулся от фразы: «А им все похуй, понимаешь, да?» Сон не сразу отпустил его: вокруг фразы мгновенно образовался какой-то вполне осмысленный, но еще неплотный сюжет — внутри этого сюжета все было очень логично, хотя и досадно оттого, что им все похуй; Макс кивнул, соглашаясь с собеседником — мол, конечно, понимаю — и проснулся, не успев вытащить фабулу, которая распалась, растворилась в воздухе от кивка — оставив после себя лишь фразу про каких-то неведомых «их».

В тот день он опять не разобрал и не выбросил старый шкаф, про который почему-то решил, что непременно его разберет и выбросит — хотя шкаф и не мешал ему и не действовал на нервы: в конце концов, не в шкафу же умер дед, а на кровати в соседней комнате, ну так он, Макс, и не спал на той смертной кровати, а спал в машине уже две ночи, несмотря на уютный матрас на полу, возле ноутбука и настольной лампы, несмотря на одеяло, подушку и пахнущую текстильным принтом простыню. Макс строгал на кухонном столе сыр для ужиных бутербродов и решал, где ему спать сегодня, в машине, как бичу, или, как приличному человеку, на матрасе; хотелось спать на матрасе, но голос в предыдущем сне не дал добро на матрас, хотя и не повторил запрет, а лишь посетовал, что «им» — кому им? — «все похуй», что вроде бы не имело прямого отношения к ночевке ни в машине, ни на матрасе, но Макс почему-то знал,

что решение спать на матрасе голос бы не одобрил. «Да им все похуй», — сказал Макс вслух и понес тарелку с бутербродами к матрасу.

Он уснул, посмотрев два фильма целиком и не досмотрев третий; отключился, не захлопнув ноутбук, поэтому фраза, услышанная им во сне этой ночью, вплелась в сюжет с ноутбуком — Максу было сказано, что «в деревне всегда надо закрывать», и он размышлял прямо там, во сне, почему в Овчарове такие порядки и что стало причиной тому, что здесь непременно надо держать неиспользуемый ноутбук в закрытом виде. В эту ночь голос не разбудил его. Но, что еще больше порадовало Макса, голос не стал ругать его за то, что он, Макс, без разрешения ночевал на матрасе. Макс, чтобы продемонстрировать голосу миролюбие, с готовностью пообещал, что в следующий раз обязательно сперва закроет ноутбук и только после этого уснет.

Четвертый день прошел в заботах по удалению прочь дедова одра. Макс занялся этой операцией сразу после завтрака, но провозился весь день, потому что одр заржавел, и все три его составляющие прикипели друг к другу насмерть. Макс колотил по железякам найденной в сарае кувалдой, ездил в автомагазин за жидкостью, разъедающую ржавчину, опять колотил кувалдой — а потом, кое-как успев убрать ноги из-под обрушившейся железной рамы с панцирной сеткой, долго смотрел на мощную рухлядь, напоминающую обломки авиакатастрофы. А потом выволакивал все это во двор, устанавливал стоймя к глухой стене дома — надо будет опять Тоху с грузовиком просить, чтобы отвезти в металло-

лом — и всерьез размышлял над тем, как отнесется дед к тому, что он поломал его кровать.

В ночь с четвертых на пятые сутки Максусу приснился отчетливый и складный производственный сон — про учебную тревогу на судне, где он должен был заводить двигатель на шлюпке по правому борту — и в этом сне знакомый уже голос сказал совершенно не придуманную к сюжету фразу: «Тебе бы все сладкое да сладкое, а суп кто жрать будет».

Макс вряд ли бы смог объяснить, зачем он стал записывать эти фразы из снов. Вроде бы и ясно: чтобы не забыть. Но в чем необходимость этого запоминания, Макс не думал: просто купил тетрадку и записал: «Тебе бы все сладкое да сладкое, а суп кто жрать будет». Фраза казалась ему знакомой, она вполне могла быть адресованной ему в детстве, но бабка бы не сказала слово «жрать», а дед совершенно не касался вопросов детского питания. Да и голос во сне был чужим.

После того, как из маленькой комнаты была изъята дедова кровать, комната оказалась не такой уж и маленькой.

В бытовых хлопотах прошла вся первая неделя. Иногда Максусу казалось, что он живет в старом доме гораздо дольше, а иногда — как будто лишь позавчера приехал. До официального вступления в наследство было еще четыре месяца, но Макс, уже обладая домом де-факто, не связывал с предстоящим статусом де-юре никаких дополнительных перемен. Каждый день он возился по хозяйству — что-то мыл, что-то белил, что-то красил, менял старые провода,

рассыпающиеся в руках от ветхости — и к вечеру валился от усталости. Усталость его была умиротворенной, сытой, гладкой как кот, она мягкими лапами запрыгивала на него, когда он включал какой-нибудь детектив — и тут же засыпал. В тетрадке для фраз последовательно появились: 5) «Главное, не надо торопиться, все торопыги как торопыги, а ты нет»; 6) «На севере шашлык очень хорошо»; 7) «Когда черепахи придут, не спрашивай их, откуда».

В субботу Макс опять подступился к шкафу и опять не стал разбирать его.

Эти два навязчивых желания — разобрать шкаф и оставить его на месте — сменяли друг друга так часто, что Макс не успевал принять решение. Шкаф — огромный, трехстворчатый, пустой и странно уютный внутри — как будто врос в пол. Макс несколько раз примеривался к его весу: налегал плечом и пытался сдвинуть допотопную мебельину с места, но она ни разу не шелохнулась. В тот день, накануне приезда друзей, Макс все-таки решил разобрать шкаф, чтобы вывезти его на Тохином грузовике — вместе с останками дедова корабля, на котором тот переплыл Стикс. Макс честно подошел к шкафу с отвертками и — на всякий случай — с пассатижами, потянул за ручку дверцы и замер в крайнем изумлении: дверца не открывалась. Ни одна, ни другая, ни третья. Шкаф был заперт.

Макс поочередно провел ладонью по всем трем дверцам, как будто надеялся нащупать замочную скважину, но панели были такими же гладкими на ощупь, как и на взгляд.